



Владимир Губарев

**Тайны Гагарина. Мифы и
правда о Первом полете**

«Яуза»

2011

Губарев В. С.

Тайны Гагарина. Мифы и правда о Первом полете /
В. С. Губарев — «Яуза», 2011

Его имя вписано в историю золотом. Его знаменитое «ПОЕХАЛИ!» открыло для человечества новую космическую эру. Его улыбка покорила весь мир. А трагическая гибель в возрасте 34 лет никого не оставила равнодушным... Почему столь необыкновенно сложилась судьба обычного русского паренька из-под Гжатска? Как Юрий Гагарин был избран для величайшего подвига XX века? И в чем его главная тайна, о которой по сей день спорят историки и биографы? В тех 8 минутах полета, когда никто не знал, сможет ли первый человек вернуться с орбиты? В засекреченных авариях и катастрофах, через которые пришлось пройти на пути к звездам? В счастливом стечении обстоятельств, предшествовавших первому старту человека в космос? Или в словах великого Исаака Ньютона: «ВСЕ МЫ СТОИМ НА ПЛЕЧАХ ТИТАНОВ»? Ведь полет Гагарина стал возможен лишь благодаря титаническому труду миллионов советских людей и гению таких колоссов, как Королев и Келдыш, Глушко и Пилюгин, Мишин и Черток, Газенко и Северин... Эта книга воздает должное всем покорителям космоса – ученым, конструкторам, соратникам Гагарина по отряду космонавтов, которых автор имел счастье знать лично, с которыми встречался на космодромах, в научных центрах и центрах управления полетами.

© Губарев В. С., 2011

© Яуза, 2011

Содержание

От автора	5
Весна 1934-го...	6
Весна 1938-го...	17
Лето 1946-го...	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Владимир Губарев

Тайны Гагарина. Мифы и правда о первом полете

От автора

Мифов и легенд о Юрии Гагарине и его полете уже и не счесть! Они начали рождаться уже с первых минут после Сообщения ТАСС о старте первого человека в космос. Одна из них гласила: Юрий Гагарин – это отпрыск (незаконный, конечно!) одного из князей Гагариных, которым принадлежали земли на Смоленщине, где родился космонавт. И хотя сам Юрий сразу же высмеял это утверждение, но потомки рода Гагариных, обосновавшиеся во Франции и Аргентине, утверждали, что это именно так...

Позже пошли уже менее «благородные» легенды.

Мол, Юрий Гагарин не был первым в космосе, до него летали другие, но все они погибли...

Мол, выдержать испытание космоса невозможно, а потому Гагарин был «погружен в летаргический сон, из которого он был выведен уже после возвращения»...

Мол, Юрий Гагарин «лишился разума» и конец своей жизни провел в сумасшедшем доме...

У последней легенды были основания: действительно, после 12 апреля 1961 года в психологических клиниках число «Гагариных» резко возросло. Потом к ним присоединились «Титовы», «Николаевы» и «Терешковы»... В общем, «космонавтов» – из-за популярности, конечно! – стало больше, чем «Наполеонов», «Сталиных» и «инопланетян»...

Мифы и легенды продолжают плодиться, и новому поколению подчас трудно определить, где вымысел и где правда.

Мне довелось быть свидетелем тех событий, которые происходили до, во время и после полета Юрия Гагарина. Посчастливилось встречаться и с ним самим, с учеными и конструкторами, которые готовили полет в космос. С некоторыми участниками тех великих событий я был в друзьях, а потому знал о них не понаслышке. Да и судьбу мою во многом определил выход человечества в космос – будучи инженером по образованию, я стал журналистом и писателем по призванию. Работа в «Комсомольской правде», а затем и в «Правде», дала мне возможность бывать на космодромах и в Центрах управления полетами, встречаться с великими людьми, проложившими дорогу в космос.

Правда намного интересней, взволнованней и фантастичней, чем любая легенда.

Была ли некая «тайна», связанная с полетом человека в космос и с самим Юрием Гагариным?

Безусловно! И об этом рассказывает данная книга...

Весна 1934-го...

Первый день весны выдался солнечным, теплым. Снег сразу же размяк, посерел, и возница, уставши понукать измученную лошаденку, слез с саней и пошел рядом с Алексеем Ивановичем.

– К вечеру надо управиться, – сказал он, – председатель велел.

– Я знаю, – согласился Алексей Иванович, – но видишь, прихватило Анну... Довезти бы...

Анна, накрытая тулупом, тихо стонала.

– ...Сын будет, – продолжал Алексей Иванович, – перед мужиком так мучаются... Довезти бы. – Он привык разговаривать сам с собой, немного глуховат был, потому и не брали его в бригаду плотники, хотя мастер был отменный. – Уж больно сильно ночью кричала, – продолжал Алексей Иванович, – перепугала всех... А председатель так и сказал: «Только быстрее, лошадь в хозяйстве нужна, а вы тут рожать начали...»

Алексей Иванович замолчал. Теперь уже надолго. До самого Гжатска не проронил ни слова. В городе сдал жену в больницу и сразу же отправился в Клушино – ведь там дети малые одни остались.

Ждали сына. Старшему, Валентину, уже было десять, Зое – семь.

Тридцатые годы... Они остались в памяти поколений по-разному. В том числе и как великих начал, необыкновенных свершений, вдохновенного труда.

Многое, чем мы по праву гордимся сегодня, берет начало в тридцатых годах.

Это была предпоследняя весна Циолковского. Одна из самых счастливых.

Калужский райком партии вместе с «Комсомольской правдой» организовал колхозный лекторий. Выступить первым пригласили знаменитого земляка – о нем слава по всей стране гремела, каждую неделю из столицы гости наведывались. Но не зазнался Константин Эдуардович, выступить перед крестьянами согласился сразу, хотя звали его теперь для лекций часто, а он отказывался – негоден уже стал к поездкам.

«Как человек научился летать» – тему лекции предложил сам Циолковский. Правда, засомневался: поймут ли его? Это ведь не о посевах, не о трудной зиме, пережитой в этом году, не о засухах, а полетах, дальних и близких... Поймут ли?

Он рассказывал неторопливо, хотя и непросто. Увлечен, начал ссылаться на специалистов, даже расчеты привел, но слушали знаменитого ученого – его слава и до этой деревушки докатилась – внимательно. Никто в зале не шумел.

А потом вопросы начались. О жизни на Марсе, об авиации, о космических путешествиях.

Циолковский был растроган. После лекции признался:

– Сорок лет преподавал, а таких мудреных вопросов не слышал. Как выросли интересы народа!

Запомнилась встреча в деревне. Константин Эдуардович вспоминал о ней часто. А потом раскладывал на столе свои книги – те, самые первые и совсем недавние – и долго смотрел на них. Видно, чувствовал, что жить осталось недолго.

Сначала видна только светлая точка. На черном фоне она постепенно увеличивается. И вот уже можно различить стыковочный узел «Аполлона». Корабль приближается быстро.

– Есть касание! – это голос Леонова.

В «Союз» всплывает Стаффорд.

– Здравствуй, Алексей!

– Здравствуй, Том!

– Стаффорд, – официально представляется астронавт.

– Леонов, – отвечает командир «Союза».

В космосе – первая международная орбитальная станция «Союз» – «Аполлон».

В программе полета есть строка: «В случае экстренной расстыковки необходимо сделать следующее...»

И в перечне экстренных дел, связанных с герметизацией переходного отсека, включениями двигателя и других жизненно важных дел для экипажей кораблей, есть одна странная запись: «Оставить автографы на трех книгах». Это книги, вышедшие в Калуге. Это книги Константина Эдуардовича Циолковского.

Они вернулись на Землю. И теперь хранятся в музее Калуги. Символический акт, конечно. Но он закономерен, потому что скромный учитель из Калуги не только указал, как идти в космос, но и этап за этапом рассчитал пути проникновения во Вселенную.

И чем дальше мы идем по этому пути, тем зримей, величественней и... непонятней нам подвиг Циолковского. Непонятней?

Да. Потому что трудно, а тем более с высоты сегодняшнего дня, понять, как мог человек сделать такое. Казалось бы, жизнь поставила для него непреодолимые препятствия, обрела его на жалкое существование, а Человек смог подняться над обыденностью, он презрел ее и перенесся в будущее. В нем он жил и творил.

Современникам он казался несчастным и сумасшедшим. Для нас он – гений, величайший ученый и мыслитель.

Помните возвращение Юрия Гагарина? Его первая пресс-конференция в Доме ученых.

Космонавту задали вопрос: «Отличались ли истинные условия полета от тех условий, которые вы представляли себе до полета?»

– В книге Циолковского очень хорошо описаны факторы космического полета, и те факторы, с которыми я встретился, почти не отличались от его описания, – ответил Ю.А. Гагарин. – Я просто поражаюсь, как мог правильно предвидеть наш замечательный ученый все то, с чем только что довелось встретиться, что пришлось испытать на себе. Многие, очень многие его предположения оказались совершенно правильными.

В декабре 1977 года Георгий Гречко выходит в открытый космос. Съемку ведет Юрий Романенко.

– Удивительная красота, – говорит Гречко, – на стыковочном узле станции вижу какие-то искорки... Пойдите, но ведь это же грозы... Да-да, те самые грозы, которые полыхают далеко внизу...

– Допустим, что Циолковский мог предвидеть самый первый этап проникновения в космос, – говорит Георгий Гречко, – конструкцию ракеты, ее многоступенчатость – свои «ракетные поезда»? Ну, наконец, корабль и ощущения человека, попавшего в невесомость. Такое предвидение я допускаю... Но меня он поражает другим: глубиной своего проникновения в будущее. Да-да, именно глубиной! Четверть века космического уже прошло, а пока каждый этап космонавтики идет «по Циолковскому». Все, что сделали и у нас в стране, и американцы, – продолжает Гречко, – Циолковский не только предвидел, но и рассчитал до мелочей. И это не может не поражать... В истории цивилизации я не знаю такого же примера проникновения в будущее. И чем больше проходит времени, тем лучше мы понимаем Циолковского. Уверен, что до конца он еще не раскрыт...

Калуга. Музей Циолковского. Сотни людей, приходящих сюда.

И нет равнодушных. Этот великий Циолковский продолжает удивлять.

Его современники, точнее, большинство из них, пожалуй, имели право считать его безумцем. У них были для этого основания, и трудно их осуждать. Они были намертво прикованы

к Земле, слишком много сил, энергии и знаний они тратили, чтобы добыть кусок хлеба и не умереть от голода и холода.

В Вятке, где прошло детство Циолковского, случилась первая в его жизни трагедия.

В семье Циолковских – Марии Ивановны и Эдуарда Игнатьевича – заболел сын Костя. Скарлатина. И тяжелое осложнение – малыш оглох.

«Это самое грустное, самое темное время моей жизни» – так напишет позже Константин Эдуардович.

И следствие глухоты – одиночество. Сначала отчаяние, а затем дерзкая мысль: «Искать великих дел, чтобы заслужить одобрение людей и не быть столь презренным».

Потом он оправдывает свою глухоту. Более того, скажет, что именно ей обязан самостоятельностью мышления. Не будем спорить с самим Циолковским, как ни трудно согласиться с ним. Наверное, все-таки иное: условия, в которых рос мальчик. Не хватало книг, его любознательность не могла быть удовлетворенной. Он напишет: «Я стал интересоваться физикой, химией, механикой, астрономией, математикой и т. д. Книг было, правда, мало, и я больше погружался в собственные мои мысли... Я, не останавливаясь, думал исходя из прочитанного. Многое я не понимал, объяснить было некому и невозможно при моем недостатке. Это тем более возбуждало самостоятельность ума...»

Он умел еще читать, а это немалое искусство.

В архиве Академии наук СССР есть несколько листков с рисунками и пометками Циолковского. Он только что познакомился с «Математическими началами натуральной философии» Ньютона. Его первый астрономический урок.

На одном из листков пометка: «8 июля 1878 г. Воскресенье. Рязань. С этого времени стал составлять астрономические чертежи».

Вот он, первый шаг к космосу, к Вселенной. Здесь истоки великого учения о преобразовании мира.

Он еще не знает, что предложить. Он знает лишь, что это обязательно надо сделать.

Тетradка озаглавлена: «Вопрос о вечном блаженстве». Одновременно пишет такие строки: «Я вам показываю красоты рая, чтобы вы стремились к нему. Я вам говорю о будущей жизни».

Он не «чистый» мечтатель. Он проводит опыты. Самые первые опыты по космической медицине.

«Я делал опыты с разными животными, подвергая их действию усиленной тяжести на особых, центробежных машинах, – напишет Циолковский. – Ни одно живое существо мне убить не удалось, да я и не имел этой цели, но только думал, что это могло случиться. Вес рыжего таракана, извлеченного из кухни, я увеличил в 300 раз, а вес цыпленка – раз в 10; я не заметил тогда, чтобы опыт принес им какой-нибудь вред».

Именно с десятикратными перегрузками встретились при посадке Гагарин, Титов, все первые космонавты, которые летали на «Востоках», «Восходах», «Меркуриях».

1880 год. В городе Боровске новый учитель арифметики и геометрии. В августе у него свадьба. Сразу после венчания учитель едет покупать... токарный станок.

Сумасшедший...

Безумный вдвойне, потому что он начинает сочинять научные трактаты! Это в городе, где больше половины жителей не умеют расписаться, не могут читать и писать; в этом забытом богом городке, где книги есть только у следователя.

А учитель – опять-таки в воскресенье! – начинает писать дневник «Свободное пространство».

В этой работе он представил Землю именно такой, какой ее увидели с Луны астронавты.

Циолковский точно описал ощущения Алексея Леонова, вышедшего в открытый космос: «Страшно в этой бездне, ничем не ограниченной и без родных предметов кругом: нет под ногами земли, нет и земного неба».

Стоп! Воображение Циолковского пока бессильно. Он еще не может представить, как именно можно передвигаться в этом свободном пространстве, летать в нем. И Циолковский пишет: «Я заканчиваю пока описание явлений свободного пространства».

Когда бессильна наука, властвует фантастика. Она впереди науки, как мечта, которая всегда опережает действительность. Способность фантазировать, воплощать в реальное свои мысли, пока не подтвержденные точными расчетами, – необходимость и особенность (кстати, счастливая) человека, занимающегося наукой.

Итак, мечта ведет...

Вспомните: Жюль Верн и Герберт Уэллс, Ломоносов и Дарвин.

Наука и мечта.

Циолковский пишет повесть «Вне Земли».

А теперь сравним его представление о первом путешествии на Луну и рассказ экипажа «Аполлона-11».

Циолковский: «Это был удивительный сон... Над ними было черное небо. Безводная пустыня. Ни озерца, ни кустика...»

Армстронг: «Из лунной кабины небо казалось черным, а снаружи Луна была освещена дневным светом, и ее поверхность была коричневого цвета. Свет на Луне обладает какой-то странной способностью изменять естественные цвета предметов...»

«Сейчас мне трудно сказать, что я думал о значении этого полета, – напишет Олдрин, ступивший на Луну через 20 минут после Армстронга. – Человеку судьбой было предначертано рано или поздно высадиться на Луне. Этот вызов стоял перед ним с тех пор, как человек впервые взглянул на Луну, и он неизбежно должен был принять его...»

Вызов?

Безусловно. Мечтали о Луне многие люди всех поколений, которых знает наша цивилизация. Но именно простому учителю, глухому и задавленному нуждой в провинциальном российском городке, К.Э. Циолковскому предстояло определить и рассчитать, как именно и на чем можно добраться до этой самой Луны. И он принял вызов.

Но до ракеты еще далеко. Учитель в Калуге изобретает. Он все старается делать своими руками. Делал модели – их было около сотни! – а затем тщательно исследовал их. Модели обычно изготавливались из рисовальной бумаги и поэтому до наших дней не дошли.

К счастью, Константин Эдуардович увлекался и фотографией. Некоторые снимки, сделанные им, мы можем увидеть.

На одном из них надпись: «Москва. Чистые пруды, Мыльников пер., д. Соколова. Его превосходительству Николаю Егоровичу Жуковскому». Естественно, что результаты своих исканий Циолковский сообщает человеку, открывшему путь в небо.

Циолковский увлекается металлическими дирижаблями. До сегодняшнего дня его предложения лежат в основе любых расчетов этих аппаратов. Конечно, нынче век авиации, но кто знает, не суждено ли нашим детям столь же широко использовать дирижабли, как нам сегодня самолеты?!

В Калуге, как и в других городах России, в те годы гастролировали воздухоплаватели. Их полеты видел Циолковский. И он начинает увлекаться «ближним космосом». Впрочем, иначе поступить и нельзя: мир потрясен первыми шагами в небо.

«Этажерки», воздушные шары, разнообразные аппараты...

Приближается эпоха авиации.

Новая сенсация: раз земляне могут летать, значит, и марсиане тоже. Оказывается, на Землю регулярно прилетают... дирижабли с других планет. Их много раз видели над американскими городами.

Мир потрясен. Люди только и разговаривают о пришельцах.

Так вновь возродились истории о «летающих тарелках» и космических пришельцах, которые не утихают и сегодня.

Циолковский уверен во множественности разумных миров. Но, как и подобает ученому, свои размышления он основывает на реальных данных.

Иные миры? К ним нужно лететь. И Циолковский вновь склоняется над рукописью. Теперь он уже готов снова вернуться к продолжению работы над главной своей книгой. Той, что потом будет летать на борту станции «Союз» – «Аполлон» и на которой оставят автографы астронавты и космонавты.

У него нет денег на переписку на машинке. И Циолковский пишет карандашом под копирку. Небольшую дощечку кладет на колени – так удобнее.

«Исследование мировых пространств реактивными приборами»...

«Эта моя работа, – пишет Циолковский, – далеко не рассматривает со всех сторон дела и совсем не решает его с практической стороны относительно осуществимости, но в далеком будущем уже виднеются сквозь туман перспективы, до такой степени обольстительные и важные, что о них едва ли теперь кто мечтает».

Выходит эта книжка в Калуге. А на Украине, под Петербургом, в Москве, в далекой Сибири рождаются люди, которым суждено сделать мечту Циолковского явью. Королев, Келдыш, Пилюгин, Глушко, Янгель, Исаев...

Ракетный двигатель, многоступенчатая ракета – именно ей отдает предпочтение безумец из Калуги.

Циолковский ждет, как оценят его труд специалисты, ученые. И полное молчание. Никто не замечает книги, изданной автором на собственные средства.

Да, ее будут читать очень внимательно. Но спустя много лет – те самые мальчики, которые только что вступили в мир, научатся читать и смогут по достоинству оценить великое предсказание мечтателя из Калуги.

Неистовый Циолковский не может успокоиться. В очередной своей брошюре он обращается к неизвестным своим читателям: «Интересующиеся реактивным прибором для заатмосферных путешествий и желающие принять какое-либо участие в моих трудах, продолжить мое дело, сделать ему оценку и вообще двигать его вперед так или иначе должны изучить мои труды, которые теперь трудно найти: даже у меня только один экземпляр... Пусть желающие приобрести эту работу сообщат свои адреса. Если их наберется достаточно, то я сделаю издание с расчетом, чтобы каждый экземпляр... не обошелся дороже рубля».

Но желающих нет. До космического века еще далеко. Да и Россия переживает бурный период.

Приходит Великий Октябрь. Он изменил и жизнь народа, и жизнь каждого человека. И, конечно же, Циолковского. А пока трудно: голод, разруха.

Циолковский полон надежд, хотя удары судьбы обрушиваются на него один за другим.

Его работы не признаны. Один сын покончил с собой, второй умирает. На брошюре «Богатства вселенной (мысли о лучшем общественном устройстве)» он пишет: «Выпуская в свет эту статью, считаю своим долгом вспомнить моего сына Ивана, сознательного и дорогого моего помощника... Умер 5 октября 1919 года в тяжелых мучениях в связи с недоеданием и усиленным трудом...»

Новое правительство всеми силами пытается сохранить ученых, писателей, деятелей искусства. Это была борьба за будущее.

За Циолковского начинают хлопотать друзья: «Гибнет в борьбе с голодом один из выдающихся людей России, глубокий знаток теоретического воздухоплавания, заслуженный исследователь-экспериментатор, настойчивый изобретатель летательных аппаратов, превосходный физик, высокоталантливый популяризатор...»

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранился протокол распорядительного заседания малого Совета Народных Комиссаров: «Ввиду особых заслуг ученого-изобретателя, специалиста по авиации К.Э. Циолковского в области научной разработки вопросов авиации назначить К.Э. Циолковскому пожизненную пенсию в размере 500 000 руб. в месяц с распространением на этот оклад всех последующих повышений тарифных ставок».

Протокол подписан Владимиром Ильичом Лениным.

Теперь К.Э. Циолковский может полностью себя посвятить науке: «Училище я оставил, это был непосильный по моему возрасту и здоровью труд. Могу отдаться теперь наиболее любимой работе – реактивному прибору...»

36 лет проработал Циолковский в училище.

Еще в 1918 году Константин Эдуардович почувствовал заботу новой власти о себе. Он получает из Москвы письмо: «Социалистическая академия не может исправить прошлого, но она старается хоть на будущее оказать возможное содействие Вашему бескорыстному стремлению сделать что-нибудь полезное для людей. Несмотря на крайние невзгоды, Ваш дух не сломен. Вы не старик. Мы ждем от Вас еще очень многого. И мы желаем устранить в Вашей жизни материальные преграды, препятствовавшие полному расцвету и завершению Ваших гениальных способностей».

Ученому предлагают переехать в Москву: там ему будут созданы все условия для работы. Но Циолковский отказывается: он врос в эту землю, ему тяжело покидать ставшую родной Калугу, где сделано так много.

И тогда люди идут к Циолковскому.

Наступает то долгожданное время, когда заканчивается одиночество. У него очень много последователей, учеников, сподвижников. И что самое главное – его идеи распространяются, они увлекают молодежь.

В начале тридцатых годов – новая сенсация. Имя Циолковского становится на ее фоне популярным, хотя он всячески противится этой славе.

«Величайшая загадка Вселенной», «Картины жизни на небесном корабле», «Самая мощная машина в мире» – каждый день такие аншлаги появлялись на первых страницах газет.

В МГУ конная милиция наводит порядок: слишком много желающих попасть на диспут «Полет на другие миры».

Интерес к загадкам в космосе огромен. Еще бы: профессор Годдард якобы сообщил, что он собирается послать ракетный снаряд на Луну.

И вдруг от человека, казалось бы, напрямую заинтересованного в популярности подобных идей, доносится предостережение: «Все работающие над культурой – мои друзья, в том числе и Оберт с Годдардом. Но все же полет на Луну, хотя и без людей, – пока вещь технически неосуществимая. Во-первых, многие важные вопросы о ракете даже не затронуты теоретически. Чертеж же Оберта годится только для иллюстрации фантастических рассказов. Ракета же Годдарда так примитивна, что не только не попадет на Луну, но не поднимется и на 500 верст».

Нет, это не пессимизм. Почти в то же время Циолковский отмечает на конверте письма из Ленинграда: «Глушко (о ракетоплане). Интересно. Ответчено».

Создается ГИРД. И сразу же письмо в Калугу: «После преодоления всех трудностей, после упорной и большой работы... организация наконец приняла признанные формы. В состав группы входят представители и актив ЦАГИ, Военно-воздушной академии, МАИ...»

О каждом шаге работы ГИРДа Циолковский знает:

- идет строительство бесхвостового ракетоплана;
- начались опыты по реактивному самолету-ракетоплану;
- в работе ракетный двигатель инженера Ф.А. Цандера;
- пилотировать первый ракетоплан будет инженер С.П. Королев...

Всенародное признание, а не только специалистов и последователей, согревает последние годы жизни Константина Эдуардовича.

Михаил Иванович Калинин вручает ему орден Трудового Красного Знамени.

Алексей Максимович Горький присылает трогательную поздравительную телеграмму.

Сохранился черновик ответа Циолковского: «Я пишу ряд очерков, легких для чтения, как воздух для дыхания. Цель их: познание Вселенной и философии, основанной на этом познании. Вы скажете, что все это известно. Известно, но не проникло в массы. Но не только в них, но в интеллигентные и даже ученые массы...»

Энергии Циолковскому не занимать.

Одно небольшое отступление. До сих пор многие биографы К.Э. Циолковского удивляются его огромной работоспособности даже в глубокой старости. Ответ дал в своей книге «О психологии научного творчества» академик А. Мигдал. Он пишет, что, «как только научный работник перестает работать «своими руками», делать измерения, если он экспериментатор, делать вычисления, если он занимается теоретической физикой, начинается «старение» независимо от возраста и чина; теряется способность удивляться и радоваться каждому малому шагу, исчезает желание учиться, появляется чванство и важность».

Циолковский экспериментировал в своей квартире до последних дней жизни. И встречался с людьми. Не только с теми, кто приезжал в Калугу, чтобы отдать дань уважения великому ученому. А прежде всего с теми, кто решил посвятить себя межпланетным сообщениям.

В 1934 году Сергей Павлович Королев дарит Циолковскому свою книгу «Ракетный полет в стратосфере».

«Книжка разумная, содержательная, полезная», – отзывается Циолковский.

Есть предположение (точно установить так и не удалось!), что Сергей Павлович приезжал в Калугу. Воистину – историческая встреча.

В одной из книг автор воспроизводит рассказ Сергея Павловича о встрече: «Запомнились удивительно ясные глаза, крупные морщины. Говорил Циолковский энергично, обстоятельно. Минут за тридцать он изложил нам существо своих взглядов. Не ручаюсь за буквальную точность сказанного, но запомнилась мне одна фраза. Когда я с присущей молодости горячностью заявил, что отныне моя цель – пробиться к звездам, Циолковский улыбнулся и сказал: «Это очень трудное дело, молодой человек, поверьте мне, старику. Это дело потребует знаний, настойчивости, терпения и, быть может, всей жизни...»

Верил ли Циолковский, что то будущее, которое он предсказывал, наступит так скоро?

Безусловно. Ведь к нему по-прежнему приходили письма из ГИРДа: «Работаем не покладая рук; на днях поступило несколько опытных ракет на высоту порядка 1–2 километра для проверки некоторых выкладок и конструкций. Сейчас широко развертываем экспериментальные работы на стендах и на полигоне. Получаем неплохие результаты, жаль, что Вы живете не в Москве...»

На снимке Циолковский и Тихонравов. Конструктор рассказывает о своей работе. Тот самый Михаил Клавдиевич Тихонравов, который по праву считается одним из пионеров космоса. Его ракеты поднялись ввысь первыми в нашей стране, его проекты имеют самое непосредственное отношение к старту Юрия Гагарина.

Но до этого еще далеко. Первый космонавт планеты пока не родился. Алексей Иванович привез свою Анну из Клушина в Гжатск 2 марта. Он поторопился...

Этой весной он понял, чему надо посвятить свою жизнь. Да, есть способный авиаконструктор (его уже так называли) Королев. Неплохо летал на планере – свидетельство тому соревнования в Коктебеле.

Шел 1929 год. Три года назад он встретился с Ф.А. Цандером. Вместе они создали сначала Московскую группу изучения реактивного движения, а затем ГИРД.

Теперь у них уже институт, и с весны 1934 года Сергей Павлович Королев – руководитель отдела ракетных летательных аппаратов Реактивного научно-исследовательского института (РНИИ).

Но отдел есть, а ракет пока нет...

И возможно ли оправдать те надежды, что влекут тысячи людей к зданию университета, где должна состояться лекция о полете на Марс?

Ему предстояло ответить на это.

«Нет», – лучше так ответить, благо даже на авторитет великого Циолковского можно сослаться. Мол, это удел фантастов и таких писателей, как Алексей Толстой. Пусть творят своих Аэлит...

Сказать «нет» – значит обеспечить спокойную жизнь, ведь в кармане диплом инженера и свидетельство об окончании школы летчиков. Обе специальности популярны и необходимы в стране. Летай, конструируй – пришло ведь время авиации, и друзья убеждают: ей принадлежит будущее.

Он не возражает, но неизбежно добавляет одно слово: «ближайшее...» А вторую половину XX века инженер и летчик Сергей Королев видит иной – ракеты начинают превосходить авиацию и по скорости, и по высоте полета. Более того, именно они унесут человека за пределы Земли...

Стоп! Это уже фантастика... Но он не может сдержаться.

31 марта в Ленинграде началась Всесоюзная конференция по изучению стратосферы. Открывал ее будущий президент Академии наук СССР Сергей Иванович Вавилов.

Нет, не о том, как преодолеть этот барьер между Землей и космосом, шел разговор тогда. Стратостаты – вот что владело умами, ведь они первыми ринулись ввысь. На них поднимались отчаянные смельчаки, погибали, но на смену приходили другие...

Инженер Сергей Королев выступал на одном из заключительных заседаний.

– Мною будет освещен ряд отдельных вопросов в связи с полетом реактивных аппаратов в стратосфере, причем особо подчеркиваем, – начал он, – именно полетов, а не подъемов, то есть движения по какому-то маршруту для покрытия заданного расстояния...

А потом он говорит о полете человека, причем «...речь может идти об одном, двух или даже трех людях, которые, очевидно, могут составить экипаж одного из первых реактивных кораблей».

Это было время мечтателей. Инженер Королев и не скрывал, что принадлежит к ним. Но уже в те годы начали проявляться те качества характера, которые станут чуть ли не главными в нем, когда он станет Главным конструктором.

Однажды на Байконуре во время подготовки к старту ракеты он заметит инженера, читающего книгу. Сергей Павлович посмотрит на обложку, а затем вспылит:

– Немедленно в Москву! Первым же рейсом... И заявление по собственному желанию!

Он будет гневаться весь день. Даже пожалуется Келдышу:

– Распустились, поди, они уже романы читают на стартовой...

Он не представлял, что инженер, конструктор может быть не занят в рабочее время, что он способен думать не о деле.

Он прощал все человеку – не замечал его слабостей, не наказывал за ошибку, никогда не унижал, если знал, чувствовал, видел, что тот предан работе. Это было высшим критерием его оценки человека.

С каждым новым сотрудником обязательно разговаривал сам. И когда был уже Главным конструктором, и тогда, в РНИИ.

В его поведении много непонятного, противоречивого, казалось бы, даже нелепого. Окружающие считают его упрямым фантазером, даже безумцем. Хороший инженер – разве он не видит, что его рассуждения о полете на Марс (заразился-таки у Цандера!) беспочвенны, нереальны?!

О каком Марсе идет речь, если первые ракеты поднимаются на десятки метров и выглядят забавной игрушкой для взрослых?!

Он не любит, когда над ним смеются... Он не хочет быть похожим на Цандера, ушедшего в свои мечты и ничего не замечающего вокруг. Фридрих Артурович с утра и до глубокой ночи сидит в лаборатории, даже приходится отдавать приказ: не оставлять его одного, а выпроваживать домой – уже две профсоюзные комиссии делают ему, Королеву, замечание, что он не следит за рабочим днем своих сотрудников, «эксплуатирует их». Но как их выдворить из подвала, если каждый считает – лишний час сокращает время полета к Марсу на месяцы (ох этот Цандер, любого может увлечь!).

Впрочем, последний случай даже Королева вывел из терпения. Техника исключили из комсомола за неявку на собрания. А он эти вечера провел в подвале, но сказать там, в ячейке, об этом не мог – секретная у них была организация. Пришлось выручать парня...

Сергей Павлович, конечно, отчитал техника, даже пара крепких выражений вырвалась, но, честно говоря, он был доволен – именно такие люди нужны ему. Иначе ни ракет не будет, ни ракетопланов, ни Марса.

С начальником отдела кадров института уже давно установились добрые отношения. Стоило появиться новому специалисту в отделе кадров, немедленно посылали за Королевым.

На этот раз Королев застал в кабинете новенького. Сразу произвел на него впечатление своей коверкотовой курткой, опоясанной командирским ремнем, и синими галифе, которыми Королев гордился. Он заметил, что на паренька его начальственный вид подействовал.

– Арвид Палло, – тихо представился юноша, – хочу к вам работать.

– С авиацией знакомы? – спросил Королев.

– Не очень. Лучше с артиллерией.

– А почему именно к нам?

– Рядом живу, – усмехнулся Палло.

– И это единственная причина? – Королев понял, что Палло уже оправился от смущения.

И это ему понравилось.

– Не люблю ненужных вопросов, – сказал Пало. – Буду плохо работать, сам уйду.

– Согласен, – сдался Королев, – но учтите, сам прослежу за вами.

Понравился ему новичок, но показывать этого Королев не хотел.

Арвид Палло стал одним из самых близких помощников Сергея Павловича. Много лет спустя именно Палло возглавит группу поиска, которая встретит после возвращения из космоса первых собачек, корабли-спутники, а затем и «Востоки». Юрия Гагарина, Германа Титова, Андриана Николаева, Павла Поповича, Валентину Терешкову.

Это будет четверть века спустя...

Умел понимать людей Королев, их способности, черты характера, мечты. И его преданность им оплачивалась их верой в Сергея Павловича, или СП, как называли его сначала друзья: впоследствии сотрудники конструкторского бюро, а в конце концов все, кто был связан с началом космической эры.

Но пока они зовут друг друга по имени.

– Я не буду больше испытывать, напрасная работа. – Палло положил на стол перед Королевым график испытаний. – Надо менять конструкцию.

– Это же две недели задержки! – Королев оторвался от бумаг. – А у нас нет времени. Понимаете, нет времени, – повторил он. – Арвид, – начал он уговаривать Палло, – система должна выдержаться, неужели из-за какого-то пустякового соединения мы должны стоять...

– Вырывает трубопровод, – не сдавался Палло, – новая конструкция нужна.

– Продолжайте испытания, – распорядился Королев, – это приказ.

– Я не могу ему подчиниться. – Палло был упрям.

– Трусись, значит? – Королев нахмурился. – В таком случае садись на мое место, а я на стенд... – Он быстро выскочил из кабинета.

Минут через двадцать резко зазвонил телефон.

– Это я, – Палло узнал голос механика, – несчастье, Арвид... Трубопровод вырвало... Королева в Боткинскую больницу увезли...

– Что с ним?

– По лбу трубка ударила. Крови много...

Палло выругался. Такого оборота событий он не ожидал.

– Меня не ждите, я в больницу! – крикнул он в трубку.

Сергей Павлович сидел на кровати. Голова была замотана бинтами. Синий халат на груди не застегивался. «Крупный все-таки мужик», – подумал Палло.

– Это ты? – Королев улыбнулся. – Здорово по голове садануло. Приехал убедиться?

– Не ожидал, что так получится. – Палло покраснел.

– А кто меня предупредил? – Королев расхохотался. – И поделом. Глупость любой лоб может расшибить, вот так-то, Арвид!.. Прав, надо конструкцию переделывать... Спасибо тебе... Садись, садись, помозгуем... Хоть и слегка треснул череп, но еще соображаю.

На всю жизнь запомнил Арвид Палло сидящего на кровати Сергея Павловича Королева, улыбающегося, в халате, который он так и не смог застегнуть...

Они делали первые шаги в принципиально новую область техники. Будущие главные конструкторы еще были слесарями и механиками, испытателями и токарями. Все делали своими руками, и каждая неудача – а их было немало – вынуждала искать и находить иной путь в том мире техники, который им предстояло создать.

Эпоха рождала главных конструкторов. И уже в те годы рядом с Сергеем Павловичем Королевым оказались люди, прошедшие с ним до запуска Юрия Гагарина.

Это были годы великих строек, годы Магнитки и Днепрогэса, первых заводов и подвигов авиаторов... Заурчали тракторные двигатели, запели первые моторы самолетов, загудели турбины... И в этих звуках рождающейся отечественной техники как призыв к будущему прозвучали взрывы в равелинах Петропавловской крепости.

Эти испытания будущих ракетных двигателей, поднявших в космос первый спутник и Юрия Гагарина, не мог не слышать инженер Сергей Королев. И судьба свела его с инженером Валентином Глушко.

Весной 34-го они работали вместе в РНИИ (ГДЛ и ГИРД объединились), и Валентин Глушко возглавил двигательный отдел. На его счету уже были конструкции двигателей, которые войдут в историю отечественной ракетной техники как «первые ЖРД».

На конференции по изучению стратосферы Королев на заключительном заседании сказал:

– Работа реактивного двигателя на твердом топливе представляет не что иное, как реактивный выстрел.

А затем Королев убедительно доказал, что будущее за жидкостными двигателями, которыми можно управлять. Безусловно, он имел в виду работы Глушко.

9 марта 1934 года в семье Гагариных родился сын. Алексей Иванович обнял жену.

– Спасибо, Аннушка, за сына, – сказал он. – Юркой назовем, как и договаривались.

– Ты уж извини меня, Алексей Иванович. Так получилось, неделю пришлось ждать. Я доктору говорю: отпусти домой, там дети малые. Он смеется, мол, отсюда только с сыном, если, конечно, не двойняшки, – оправдывалась Анна, – а утром и родила...

– Хорошо, что не в Женский день, – отозвался Алексей Иванович, – засмеяли бы парня...

А девятого – это хорошо...

Был солнечный мартовский день. Алексей Иванович вез жену из Гжатска в Клушино.

До старта первого человека в космос оставалось 27 лет 1 месяц и 3 дня.

Весна 1938-го...

Юрий Гагарин вспоминал:

«Родители работали в колхозе. Отец плотничал, а мать была дояркой. За хорошую работу ее назначили заведующей молочно-товарной фермой. С утра и до поздней ночи она работала там. Дел у нее было невпроворот: то коровы телятся, то с молодыняком беспокойство, то о кормах волнения... Красивым было наше село. Летом в зелени, зимой в глубоких сугробах. И колхоз был хороший. Люди жили в достатке. Наш дом стоял вторым на околице, у дороги на Гжатск. В небольшом саду росли яблоневые и вишневые деревья, крыжовник, смородина. За домом расстился цветистый луг, где босоногая ребятня играла в лапту и горелки. Как сейчас, помню себя трехлетним мальчонкой. Сестра Зоя взяла меня на Первомайский праздник в школу. Там со стула я читал стихи:

Села кошка на окошко,
Замурлыкала во сне...

Школьники аплодировали. И я был очень горд: как-никак, первые аплодисменты в жизни».

При первом нашем знакомстве он попросил называть его на страницах газеты «профессором Петровичем». Именно так он и подписался на титульном листе книги Юрия Гагарина «Дорога в космос»: «Надеюсь, что по этой дороге удастся когда-нибудь пройти и мне. Г.В. Петрович. 11.5.62».

Валентин Петрович немного лукавил: на самом деле по дороге в космос он шел всю жизнь. Более того, он был одним из самых первых, кто не только понял, что в ХХ веке человечеству суждено выйти в космос, но и сделал для этого, пожалуй, самое главное: он создал те самые ракетные двигатели, которые смогли победить земное тяготение. Это были водопады огня, по которым Человек поднялся ввысь...

За школьной партой каждый из нас что-то писал. Один – записки однокласснице, в которую влюблен. Другой – дневник, описывая прожитый вчера день. Третья – размышления о собственной судьбе... В общем, каждому, кому шестнадцать лет, есть что доверить бумаге. Правда, перечитывая эти строки через много лет (бывает, они сохраняются!), невольно улыбаешься собственной наивности.

На уроках немецкого языка последние три школьных года я писал приключенческий роман. Он занял три общие тетради. Они пропали. К счастью или несчастью, не знаю.

Валя Глушко писал в школьные годы книгу «Проблемы эксплуатации планет». В ней было две части: «О будущем Земли» и «О будущем человечества». Спустя 45 лет академик Глушко перечитал рукопись. В ней было 203 страницы...

«В начале двадцатых годов мало кто принимал всерьез разговоры о полетах человека в космос, – вспоминал В.П. Глушко. – Я задался целью убедить широкие читательские круги этим научно-популярным трудом не только в полезности, но и в неизбежной необходимости осуществления межпланетных полетов. Рукопись этой книги в первой редакции была закончена мною в 1924 г., но издать ее оказалось делом трудным. Ее читали председатель РОЛМ почетный академик Н.А. Морозов, обещавший написать к ней предисловие, и Я.И. Перельман, у которых я бывал».

Оба старались ободрить молодого автора. Однако в Госиздате, куда была передана рукопись, сначала потребовали изменить название, а потом вообще отправили ее в архив. Кто в

те годы мечтал о межпланетных путешествиях и полетах в космос?! Разве только чудаки да романтики, которые чудом сохранились в военные годы и времена разрухи и голода. К первым относился калужанин Константин Циолковский, а ко вторым – одессит Валентин Глушко.

Позже академик признается:

«Совершенно случайно эта рукопись сохранилась до настоящего времени, и я прочел ее через 45 лет после написания. Чувство, которое я при этом испытал, – это чувство глубокой благодарности к Госиздату за то, что он ее не издал. Много наивного, спорного, ненужного, эмоционального».

Это было в 70-х годах. Академик Валентин Петрович Глушко стоял во главе развития космонавтики не только в СССР, но и в мире. Он был на самом острие космонавтики, и от каждого его слова зависело очень многое, а потому иначе он и не мог оценивать свои размышления юности. Под руководством академика разрабатывались программы полетов орбитальных пилотируемых станций, лунных поселений, новых кораблей многоразового использования, а также проекты освоения Марса и Венеры, старты к астероидам. Это было время Великой Мечты о космосе, и Главному конструктору положено было по должности думать о реальном. И естественно, что его юношеские мечтания показались умудренному жизненным опытом конструктору и ученому наивными.

С тех пор прошло еще четверть века. И постепенно космонавтика у нас ушла на дальний план, стала почти ненужной. Даже нельзя сказать, что «обыденной», скорее «лишней», потому что у нас иные нынче заботы и мечтания, приземленные и сиюминутные. Мы разучились поднимать голову и смотреть на звезды, а потому размышления парнишки, записанные в далеком 1924 году, вдруг становятся актуальными:

«Идея межпланетных странствований и стремление к завоеванию Вселенной далеко не новы; они давно волновали человеческие умы, но только сейчас, и то чрезвычайно туманно и схематично, можно предсказать те колоссальные выгоды и ту неизмеримую пользу, которую они могут нам принести.

Отразившись при своем осуществлении в зеркале научного и промышленного мира, эта идея взбросит на небывалую высоту кривую развития человеческой культуры. Открывающиеся при этом горизонты настолько широки, что ослепляют ум».

Космических конструкторов, В.П. Глушко в частности, часто называли «фанатиками», мол, они думали всегда только о своем. Мне кажется, истоки этого «фанатизма», которого так не хватает многим из нас, надо искать в этих словах юного Глушко:

«...естественным следствием прогресса человеческой культуры является истощение жизненных соков Земли, чем человечество в конечном итоге ставит себя под угрозу краха, как своей цивилизации, так и своего существования.

Естественным же выходом из назревающего кризиса является пополнение иссякающих запасов энергии и материи извне, из глубин мирового пространства, с иных тел. Вполне естественным является теперь поставить соседние нам планеты в такое же положение, в каком находились ранее неведомые нам континенты. Колонизировать новые планеты, организовать на них эксплуатационные части для снабжения скудеющей Земли является вполне естественным и понятным шагом все расширяющейся промышленности и мощи человеческого интеллекта».

Ни на Луне, ни на Марсе, а тем более на Венере ничего не было найдено, чтобы можно было сказать: «Это нужно на Земле!» Сотни килограммов лунных камней привезено экипажами «Аполлонов», но исследования в земных лабораториях «практических результатов не дали» (так значится в одной из брошюр, которые выдаются в Смитсоновском музее, где выстав-

лены образцы лунных камней). Значит, прогнозы юноши из Одессы и великого мечтателя из Калуги не оправдались?

Не будем спешить с выводами. Пока необходимости в строительстве на других планетах «эксплуатационных частей промышленности» нет. Однако земные ресурсы истощаются, и особенно быстрыми темпами энергетические. И ученые уже задумываются о том, чтобы на орбитах вокруг Земли строить мощные энергетические комплексы, способные принимать энергию от Солнца и передавать ее на Землю. Это реальные проекты. И кто знает, что еще нам суждено стать свидетелями появления таких внеземных производств.

«Не так давно, в июне 1918 г., в созвездии Орла вспыхнула новая звезда... Исследование фотографий данного участка неба, полученных до образования новой звезды, обнаружило, что на том месте, где находится новая, раньше находилась очень слабая звездочка, недоступная невооруженному глазу. Сравнение их яркостей показало, что яркость звезды возросла в 10 000 раз.

Вообразим, что наша планета вращалась вокруг этой звезды до ее возгорания, как это она делает теперь вокруг Солнца. Теперь предположим, что эта звезда вспыхнула в 10 000 раз более ярким светом. Как это отразилось бы на нашей планете? Вычислено, что вследствие такого колоссального повышения лучеиспускания звезды наша планета в течение одного дня будет получать столько тепла, сколько раньше она получала в течение 30 лет, благодаря чему все находящееся на поверхности планеты раскалится, а все способное окисляться вспыхнет всеуничтожающим пожаром, который поглотит в себе все живущее; атмосфера необычно раскалится, увеличится в объеме и переполнится парами кипящих океанов. В общем, этот убийственный жар превратит всю поверхность Земли в образцовую преисподнюю».

Однажды Главный космический конструктор попросил другого Главного конструктора, но уже «ядерного», рассказать ему, что случится, если все ядерные «изделия», установленные на ракетах, сработают. Это были Глушко и Литвинов. Тогда ядерщики не делились с ракетчиками своими секретами, а потому Глушко и его коллеги мало знали о мощности «изделий» – им давались лишь те данные, которые нужны были для создания ракет и стыковки их с ядерными блоками. Борис Васильевич Литвинов в общих словах нарисовал Глушко то, что произойдет на территории предполагаемого противника. А потом и у нас, когда американские ракеты обрушатся на наши города и на леса (считалось, что атаковать лесные массивы и тайгу эффективнее, так как пожары, возникшие после ядерных взрывов, невозможно будет погасить).

«Я это предвидел еще в юности», – вдруг сказал Глушко. Очевидно, он имел в виду свою работу о будущем Земли:

«...Несомненно, что вероятность столкновения Солнца или Земли с каким-нибудь другим, достаточно крупным телом или туманностью чрезвычайно мала, но, поскольку размеры вселенной и количество небесных тел, носящихся в мировом пространстве колоссальны, возможность такой катастрофы не исключается».

Эти строки из работы молодого Глушко я вспомнил, когда был в Снежинске на конференции, посвященной защите Земли от астероидов. Крупнейшие физики и ракетчики планеты с чертежами и расчетами доказывали, что есть возможность создать систему защиты нашей планеты от космических тел, столкновение с которыми может привести к катастрофе, как это случилось, к примеру, 70 миллионов лет назад. Тогда при столкновении с астероидом над планетой образовался слой пыли, наступил ледниковый период и все динозавры вымерли. В 1924

году Валя Глушко не знал, что полвека спустя это будет доказано наукой, но тем не менее нечто подобное предвидел:

«Если наше Солнце будет двигаться среди частиц подобной туманности, то его лучи, достигающие планеты, вследствие поглощения будут значительно ослаблены и даже, возможно, в течение долгого промежутка времени, при прохождении сквозь наиболее плотные слои туманности, почти совершенно будут задерживаться и рассеиваться ее частицами. В результате на Земле могла бы наступить жесточайшая ледниковая эпоха».

Одесса была глухой русской провинцией, но тем не менее там жил юноша, который старался понять происхождение Вселенной, определить, как будет развиваться Земля. И это были не схоластические размышления, не констатация фактов, а попытка определить главное, с чем нужно бороться и как искать выход из создавшегося положения. И он, по мнению Вали Глушко, был один – завоевание космоса.

Уже будучи Главным конструктором и академиком, Валентин Петрович Глушко считал, что главным в освоении космоса становится исследование Земли. Он настаивал на создании спутников для исследования природных ресурсов, для метеонаблюдений, для изучения ледяного покрова. Однажды в интервью он сказал мне: «Мы летаем в космос ради Земли!» – а потому особое внимание он уделял именно прикладным исследованиям.

На вопрос «почему?» частичный ответ можно найти в его юношеской книге:

«...всякое изменение климата, в какую бы оно сторону ни было направлено, не обещает ничего хорошего. И возможно, что вследствие пагубного влияния измененных климатических условий на Земле наша цивилизация либо замрет на долгое время в своем развитии, либо совсем будет затерта льдами. И если наши потомки не захотят быть погребенными под обломками льда и массой снега, подобно творениям их и их предков, им придется эмигрировать...»

И далее:

«Достаточно каким-либо областям земного шара подвергнуться высыханию и лишиться воды, чтобы всякая жизнь покинула их, частью вымирая, частью переселяясь в другие области. Всем известны громадные пустыни Азии, Австралии, Африки и других континентов, проклятые туземцами, из которых изгнаны всякие следы жизни.

Поэтому ясна вся колоссальная важность вопроса: изменяется ли в сторону уменьшения количество имеющейся сейчас на Земле воды? Не высыхает ли планета, окутываясь все большим и большим числом пустынь?»

На вопрос юноши удалось ответить лишь в конце XX столетия, причем во многом благодаря космическим аппаратам, которые были созданы под руководством самого Глушко. Да, опустынивание планеты происходит! Причем с каждым десятилетием эти процессы идут все интенсивнее, и пока наука не может сказать, что надо делать в первую очередь, чтобы остановить ту самую катастрофу, которую предчувствовал одесский мальчик.

Кстати, ответ может прийти с Марса. Некоторые ученые уверены, что именно «опустынивание» и привело в нынешнее состояние Красную планету, где раньше буйствовала жизнь. И если льды в районе полюсов Марса будут найдены – а новые автоматические разведчики Марса займутся именно этим, – то гипотеза о причинах «сухости» планеты получит еще одно подтверждение.

«Сейсмические катастрофы являются одними из самых опасных и разрушительных проявлений сил природы. Никакие другие грозные силы

Земли не могут причинить те несчастья и убытки, которые вызываются мощными землетрясениями, колеблющими не только страны или области, но и целые материки и океаны. Причина этого кроется не только во внезапности землетрясений, но и в том, что они по своей невероятной силе часто захватывают области громадных размеров, разрушая десятки и сотни городов и поселений при многотысячных человеческих жертвах...

Несомненно, настанет время, через много миллионов лет, когда мощь земной коры сможет противостоять внутренним силам Земли, что, вероятно, имеет сейчас место на Марсе и Луне, как на более старых и ранее охладившихся телах. Но до того момента не один десяток раз наши материки успеют стать дном бурных океанов, уничтожая многовековые культуры, а некогда исчезнувшие Атлантида, Гондвана и другие поглощенные водной пучиной континенты снова увидят свет.

Земле много раз приходилось менять, таким образом, свой облик, и если марсиане действительно существуют и их цивилизация несравненно древнее нашей, как и их планета, то интересно было бы позаимствовать у них астрономические карты нашей планеты, наиболее правильно разрешившие бы вопрос о конфигурации океанов и материков Земли за различные периоды ее существования. И, без сомнения, этим марсианским астрономам, конечно, если они существуют, придется еще не раз в течение тысячелетий менять свои карты Земли».

Любопытно, не правда ли?

Два комментария к этому фрагменту рукописи Валентина Глушко.

Во-первых, о землетрясениях. Их предсказание волновало не только специалистов по земной коре, но и ракетчиков. Академик В.Ф. Уткин не раз рассказывал мне, как они с Глушко, размышляя о будущей космической программе, концентрировали свое внимание именно на создании системы прогнозирования землетрясений, в которой главную роль играли бы спутники, дежурившие над планетой и фиксирующие малейшие колебания земной коры. Такая система была создана, проводились первые эксперименты, но реализовать ее не удалось из-за больших затрат. А денег на космонавтику уже не хватало, да и В.П. Глушко начал создавать новый ракетно-космический комплекс «Энергия – Буран», который заставил всю космическую программу перейти на «голодный паек». Впрочем, Валентин Петрович обещал вернуться к прогнозированию землетрясений сразу после окончания основных работ, но сделать этого не успел. А академик Уткин до конца своих дней сожалел, что такой проект реализовать не удалось.

И второе. В своих размышлениях Валя Глушко упоминает о марсианах, но каждый раз оговаривается: «если они существуют». Настоящему ученому даже в то время надлежало высказывать сомнение в их существовании, а потому юный Глушко четко следует этому.

Но верил ли академик Глушко в существование жизни за пределами Земли?

Не только он, но и подавляющее число тех, кто решил посвятить себя космической и ракетной технике, были убеждены, что какие-то формы жизни на Луне, Марсе и Венере есть. И, посылая свои космические аппараты на эти небесные тела, они в обязательном порядке проводили стерилизацию их, дабы не занести туда земные организмы. А когда начались полеты на Луну, то экипажи кораблей выдерживали в карантине, уже опасаясь, что чужие микроорганизмы попадут на Землю.

Более глубокое изучение Луны, Венеры и Марса, к сожалению, начало убеждать ученых, что органической жизни там нет. Пожалуй, лишь по Марсу еще остаются надежды, но они слишком малы, чтобы всерьез рассуждать о марсианах. Но будем справедливы: именно мечта

о марсианах многих позвала в космос! И Валентина Глушко в том числе, хотя он сам в этом никогда не признался... По крайней мере, об этом я от него не слышал.

А в своей книге он делает поистине философское заключение:

«Загадка жизни, давно предлагаемая безмолвным и загадочным сфинксом истории, в течение ряда веков остается неразгаданной».

Итак, первую часть своей книги Валентин Глушко посвятил доказательствам того, что Земля может погибнуть. Удивительно, но школьнику удалось собрать всевозможные факты, свидетельствующие о катастрофическом положении нашей планеты. Причем он пользовался точными научными данными, что говорит не только о любознательности автора, но и умении работать с научной литературой. Напомню, Вале Глушко было 16 лет. Не зная об этом, можно по прочтении рукописи сделать вывод, что она принадлежит умудренному жизнью человеку. Очевидно, одна из причин того, что Госиздат не выпустил книгу, – как раз молодость ее автора.

Ко второй части книги Валентин поставил эпиграфом слова К.Э. Циолковского, которые нынче стали хрестоматийными: «Планета есть колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели».

«Сделав краткий очерк всех грядущих возможностей гибели человечества, мы видели, что, с одной стороны, старушка Земля не застрахована от роковых влияний, могущих изменить состояние ее поверхности, что всякая жизнь на ней должна будет прекратить свое существование, с другой же стороны, возможны тысячи гибельных влияний или случайностей, порождаемых уже не космическими причинами, а самим существованием человека.

Но вся масса этих несчастий и всевозможных рассмотренных нами случаев гибели человечества и его культуры отпадает, если мы обратим свой взор к завоеванию межпланетных пространств».

Итак, Валентин Глушко делает свой выбор в жизни. Он теперь точно знает, куда надо стремиться.

Его пример поучителен для тех, кто еще в юности ставит перед собой цель, к которой имеет смысл идти до конца своей жизни, не отступая и не сгибаясь.

На Приморском бульваре в Одессе – два памятника. Дюк Ришелье популярен благодаря «Праздникам смеха» и команде КВН, в которой он состоит с первого ее выступления. О другом памятнике, что находится с противоположной стороны бульвара, известно меньше. А появился он здесь, когда начал выполняться Указ Президиума Верховного Совета СССР о том, что надо на родине дважды Героев Социалистического Труда обязательно ставить бюсты, чтобы все знали о подвигах своего земляка. Валентин Петрович Глушко дважды Героем был давно, но так как был засекречен, то об этом совсем необязательно было знать на его родине, то есть в Одессе. Однако потом руководство страны посчитало, что не надо обижать своих заслуженных людей, и потихоньку было решено все-таки ставить им бюсты. Одним из первых в этом списке был академик Валентин Петрович Глушко.

На открытие своего бюста он приглашал многих и автора этих строк тоже. Но журналисты – народ практичный: зачем ехать на событие, если о нем нельзя писать?! И до сегодняшнего дня я жалею, что тогда не поехал в Одессу... А Валентин Петрович обиделся...

Он любил Одессу, где родился и где сделал первые шаги к тому самому космосу, который обессмертил его имя:

«В Одессе я родился и провел половину детства, в этом близком моему сердцу городе, на бывшей Ольгиевской улице, в доме номер 10,

прошло мое отрочество и наступила юность, здесь сложилось все, однозначно определившее цель моей жизни.

Весной 1921 года я прочел «Из пушки на Луну», а затем «Вокруг Луны». Эти произведения Жюль Верна меня потрясли. Во время их чтения захватывало дыхание, сердце колотилось, я был как в угаре и был счастлив. Стало ясно, что осуществлению этих чудесных полетов я должен посвятить всю жизнь без остатка».

И далее:

«Как достигнуть Луны и планет, мне было совершенно неясно. Я понимал, что для того, чтобы приступить к осуществлению этих полетов, необходимы большие знания, путь к которым лежит через школу и высшее учебное заведение. А пока мне многое недоступно, я могу изучать описательную астрономию, чтобы заранее поближе ознакомиться с целью моих будущих путешествий. Как увлекательнейшие романы прочел я книги по астрономии Фламариона, Клейна и других замечательных авторов.

Каждый день, идя в школу, я видел в начале Садовой улицы, в доме № 4, на крыше, купол астрономической обсерватории...»

Мальчик каждый вечер теперь проводил в 1-й Государственной народной астрономической обсерватории Губсовпартшколы, он вступил в кружок молодых мироведов, где начал вести свои первые научные исследования.

Из автобиографии академика В.П. Глушко:

«Первый труд Циолковского я нашел в одесской публичной библиотеке. Зимой 1922 года она не отапливалась. Сидя в читальном зале в шинели, я переписывал посиневшими пальцами этот исторический труд Циолковского в свои тетради.

В 1923 году, 26 сентября, написал письмо К.Э. Циолковскому в Калугу, Коровинская, 61, с просьбой выслать его труды. Через короткий срок (8 октября), к великой моей радости, получил ответное письмо от Циолковского вместе с некоторыми изданиями его трудов.

Вскоре Циолковский сообщил, что впредь будет высылать мне все издаваемые им труды. Так началась переписка с Циолковским, продолжавшаяся ряд лет».

Умудренный жизненным опытом чудаковатый старец, названный лишь много лет спустя «великим», охотно пишет мальчику из Одессы. В нем он нашел преданного своего поклонника, который не только разделяет его грезы о Земле и Небе, но и готов посвятить жизнь этому! Разве можно к таким мальчикам относиться равнодушно?!

Да и не только почитателей, но и читателей его трудов мало, а потому Константин Эдуардович дорожит каждым...

Валя Глушко уже считает «мечтателя из Калуги» своим учителем, а потому во многих письмах старается заверить его, что с годами его страсть к межпланетным полетам не угасает.

Письма сохранились. Некоторые из них весьма многословны, они представляют сегодня, пожалуй, исторический да и биографический интерес. Однако если выделить из них те фрагменты, которые говорят о призвании Глушко, то любопытно наблюдать, как с возрастом его детская мечта становится все зримей и реальней.

В.П. Глушко гордился своей перепиской с К.Э. Циолковским. С.П. Королев пытался доказать, что он тоже однажды побывал в Калуге у Циолковского, но свидетелей и документов

о той встрече не сохранилось, а сам Сергей Павлович путался в деталях, а потому ему не очень-то верили... И в первую очередь тот же Глушко.

Итак, несколько фрагментов из писем Валентина Глушко в Калугу:

26.9.1923 г.: «Глубокоуважаемый К.Э. Циолковский! К Вам обращаюсь с просьбой и буду очень благодарен, если Вы ее выполните. Эта просьба касается проекта межпланетного и межзвездного путешествия. Последнее меня интересует уже более 2-х лет. Поэтому я перечитал много на эту тему литературы».

16.10.1923 г.: «Ваше письмо и затем книги я получил. Все брошюры более или менее хороши. Я очень благодарен Вам за книги и брошюры и очень буду рад, если смогу услужить Вам хотя бы тем же. Прилагаю деньги за 3 брошюры по сегодняшнему курсу червонца (300 р.) и деньги для марки для письма... «Вне Земли» – очень и очень хорошая книга, она очень реально представляет всю картину межпланетного путешествия. Каждая строка, каждая фраза дышит, можно сказать, почти совершенной правильностью. Все встречающиеся на пути затруднения Вы разрешаете посредством физики и механики, а не обходите их, как это обыкновенно делается почти во всех книгах. Вы предусмотрели все случаи межпланетного сообщения, как будто бы сами не раз его совершали. В общем, «Вне Земли» даже трудно назвать повестью. Но только все же смело говорить, что человек сможет жить, питаюсь исключительно плодами, так как в них не содержатся все органические соединения для поддержания жизни человеческого организма...»

16.2.1924 г.: «В Вашем труде «Исследование мировых пространств» упоминается о том, что контролировать изменение направления равнодействующей силы взрывания в «Ракете», от центра энергии последней, можно посредством магнитной стрелки. Но разве компас будет действовать в межпланетном пространстве? В этой книге масса опечаток, большинство формул сильно искажено...»

10.3.1924 г. «Относительно того, насколько я интересуюсь межпланетными сообщениями, я Вам скажу только то, что это является моим идеалом и целью моей жизни, которую я хочу посвятить для этого великого дела. Уже три года как я каждую свободную минуту посвящаю ему».

22.1.1927 г.: «Протекшие полтора года с последнего письма нашей переписки были достаточны, чтобы многое изменилось. Прежде всего, я выехал из Одессы и работаю сейчас в физическом институте Ленинградского государственного университета. Это позволило мне поставить все мои работы на совершенно иную ногу и приблизило меня к делу. Мой живейший интерес к великому делу межпланетных сообщений не угас. Я по-прежнему интересуюсь им. Более того, теперь я специально занялся им и питаю надежды, подкрепленные моими лабораторно-практическими исследованиями, которыми в недалеком будущем я надеюсь поделиться с Вами... Выражаю Вам глубокую благодарность за упоминание меня в Вашей последней книге в числе лиц, делающих что-либо для развития идеи межпланетных сообщений. Кстати, сообщаю Вам, что Г. Оберт в своем письме ко мне выразил особое уважение к Вашим работам и просил при случае передать Вам от него искренний привет и пожелание успеха в Ваших работах».

26.8.1930 г.: «Мне очень приятно, что Вы также считаете, что ракетоплан невыгоден, что не имеют практического смысла предложения, напр. М. Валье, заставить эволюционировать аэроплан к звездолету, путем комбинации винтомоторной группы с реактивным двигателем, с постепенным усилением последнего за счет винтомоторной группы и т. д... Для того же, чтобы повысить КПД, нужно настолько переделать конструкцию аэроплана, начав с того, что выбросить из него винтомоторную группу, что от него ничего, кроме названия, не останется. Ясно, что смысл имеет реактивный летательный аппарат как самостоятельная конструктивная единица. Комбинация же самолета с реактивным двигателем имеет смысл только в применении к разгону и торможению самолетов реактивным путем...»

Одной фразой инженер В.П. Глушко определил пути развития как авиации, так и ракетной техники. Впрочем, к этому времени он уже сложился как инженер, и его проектами начали интересоваться не только «космические фанатики»...

Это было время не только романтиков, но и прагматиков.

Уже многие ученые и конструкторы уверены, что наступает время использования ракет.

«В Ленинграде в двадцатые годы с огромным интересом и пользой прочел в подлинниках труды по ракетно-космической технике Р. Годдарда, Г. Оберта, В. Гоманна, – вспоминал академик В.П. Глушко. – Я вынашивал идеи теоретических и экспериментальных исследований, которые должны были завершиться разработкой реальных конструкций... Весной 1928 года увлекся идеей создания высокоэффективного ракетного двигателя».

«Ракетная лихорадка» катится по миру...

И, конечно же, впереди идет фантастика. На киностудиях рождаются первые ленты, рассказывающие о полете к Луне, Марсу, другим планетам. И невдомек создателям этих фильмов, что их зрителям уже скоро придется сравнивать фантазию и реальность.

В Москве открывается первая выставка дальних путешествий и космических аппаратов.

Как всегда, есть желающие отправиться в космос, на Луну, к другим планетам – они готовы отдать во имя науки свою жизнь...

И среди первых мы опять-таки называем молодого инженера Валентина Глушко.

«Я увлеченно разрабатывал эту тему, положенную мною в основу дипломного проекта, и в начале 1929 года на машинке была отпечатана работа, состоявшая из трех частей, – продолжает свои воспоминания академик. – Часть третья, посвященная электрическому ракетному двигателю (ЭРД), по доброму совету товарища (А.Л. Малого) была сдана мною в отдел при Комитете по делам изобретательства 18 апреля 1929 года. Эта работа была датирована 10 апреля 1929 года...»

Даты имеют особое значение! В это время, повторяю, ракетами увлекаются многие, а потому спустя годы пойдет речь о приоритетах. Но пока работы секретные...

Что греха таить, но ракеты в первую очередь интересуют военных. А в России интерес к военным изобретениям всегда был особым: чему-чему, а работам для армии предоставлялись в те годы наилучшие условия.

«Все произошло удивительно быстро, – вспоминал В.П. Глушко. – В начале мая меня вызвал уполномоченный Комитета в Ленинграде Н.Я. Ильин. Высокий, стройный, внимательный к опекаемым им организациям и лицам, Ильин немало сделал для успешного развития проводившихся в Ленинграде работ. Встреча состоялась в его кабинете. Ильин сообщил, что мое предложение рассмотрено в Ленинграде и Москве и по нему дано положительное заключение. Более того, принято решение немедленно начать экспериментальные работы по реализации моего предложения. Он рекомендовал создать группу под моим руководством, которая

организационно должна быть подчинена работавшей в Ленинграде Газодинамической лаборатории. Начальником этой лаборатории (сокращенно ГДЛ) был Н.И. Тихомиров».

Лаборатория инженера В.П. Глушко расположилась в новом корпусе, что был построен неподалеку от знаменитого Физтеха, которым руководил академик А.Ф. Иоффе. Кстати, первую консультацию молодой руководитель лаборатории получил именно у него.

И ничего нет странного в том, что сам легендарный герой Гражданской войны маршал Тухачевский решил познакомиться с работами Газодинамической лаборатории (ГДЛ), где начали рождаться двигатели для ракет.

Армия – любовь и забота народа. И каждый год у нее появлялось что-то новое, что сразу же попадало на Красную площадь, где регулярно гремели парады. Большинство из них принимает Тухачевский...

Через несколько десятков лет на таких парадах главное внимание будет приковано к ракетам. Именно по ним будут судить о могуществе страны. Пока ракет нет. Однако уже тогда Тухачевский уверен в них. Он пишет: «Особо важные перспективы связываются с опытами ГДЛ над жидкостным ракетным мотором, который в настоящее время удалось сконструировать в лаборатории. Применение этого мотора в артиллерии и химии открывает неограниченные возможности стрельбы снарядами любых мощностей и на любые расстояния».

Великий маршал будто бы предвидел рождение ракетного века...

В 1930 году ГДЛ подчиняется непосредственно начальнику вооружений РККА М.Н. Тухачевскому.

В ГДЛ были проведены первые эксперименты, которые в конце концов привели к созданию легендарных «катюш».

А инженер Глушко начал свои экспериментальные работы, в том числе и в Петропавловской крепости.

Из воспоминаний В. Соколова:

«Огневой испытательный стенд располагался в Петропавловской крепости, у стены Меньшикова бастиона, между двумя старыми тополями, давно уже срубленными. Двигатели устанавливали соплом вверх. И когда на высоту соборного шпиля с оглушительным грохотом взлетала струя огня и дыма, прохожие на левом берегу Невы останавливались, недоумевая. Вмешался знаменитый «Большой дом», что на Литейном, и распорядился убрать струю. Над соплом установили бронекрышку, закрепив ее дюжиной стальных болтов. Получился гигантский примус. Струя исчезла, превратившись в огненный венчик, а рев только усилился. Но руководящее указание было выполнено, и все успокоились. Никому и в голову не пришло контролировать, как реагирует крепление крышки на мощное газодинамическое воздействие плазменных ракетных струй. И возмездие наступило. Во время одного из огневых испытаний ракетного двигателя крышка сорвалась с ослабленных болтов и, подобно «летающей тарелке», помчалась в сторону пляжа. А день был солнечный, купальный. Но судьба была милостива, и никто не пострадал. Однако огневые испытания в Петропавловской крепости немедленно прекратили, перенеся их за городскую черту».

Теперь на стене рavelина о том времени свидетельствует надпись на мемориальной доске:

«В 1932 – 1933 гг. здесь, в Иоанновском рavelине, помещались испытательные стенды и мастерские первой в СССР опытно-конструкторской организации по разработке ракетных двигателей – Газодинамической лаборатории (ГДЛ) Военно-научно-исследовательского комитета при

Реввоенсовете СССР. Здесь производились стендовые испытания первого в мире электротермического ракетного двигателя и первых советских жидкостных ракетных двигателей, разработанных в ГДЛ в 1929–1933 гг. В ГДЛ были заложены основы отечественного ракетного двигателестроения. Выросший из ГДЛ коллектив дважды орденоносного опытно-конструкторского бюро создал мощные двигатели ракет-носителей, выводивших на орбиты искусственные спутники Земли, Луны и Солнца, автоматические станции на Луну, Венеру и Марс, пилотируемые корабли «Восток», «Восход», «Союз».

На базе ГДЛ и ГИРД создается мощный научно-исследовательский институт – легендарный РНИИ. В его стенах работают все, для кого ракетная техника стала главным делом жизни.

В стенах РНИИ рождаются удивительные проекты. Некоторым из них суждено не только «воплотиться в металл», но и сыграть важную роль в Большой Войне, которая надвигалась на нашу страну.

И тем страннее было видеть, что происходит вокруг...

Первой жертвой стал Тухачевский... Потом Егоров, Блюхер... Потом тысячи высших офицеров армии...

Осуждали и уничтожали военных, ученых, специалистов, деятелей культуры – интеллектуальный потенциал нации, и этому посвящали многочисленные митинги, на которых репрессии народ узаконивал: вожди делили собственные преступления на всех... «Кровавое колесо» продолжало катиться по России.

Но Глушко и Королев пока на свободе...

Из воспоминаний Л. Владиславлева:

«1936 год. Окончен четвертый курс МВТУ им. Н.Э. Баумана. Тогда же, в июле, состоялось собрание актива общества Осоавиахим института. На нем предложили выделить трех человек из числа студентов-отличников на курсы ракетной техники. В числе их оказался и я. Занятия начались в сентябре в здании Московского планетария... Первое занятие открыл Лангемак. Он сообщил, что курсы рассчитаны на полтора года. По завершении теоретической части мы сможем заняться эскизным проектом ракеты на заданные параметры... После краткого вступления Лангемак представил слово инженеру С.П. Королеву. Он начал лекцию с обзора теоретических работ К.Э. Циолковского и зарубежных ученых Годдарда (США), Оберта (Германия). Лекция Королева продолжалась около часа, он говорил вдохновенно, с большим увлечением...

Большой интерес для нас представлял цикл лекций В.П. Глушко по курсу «Ракетные двигатели на жидком топливе». Валентин Петрович произвел на нас большое впечатление. Молодой красивый мужчина, прекрасно одетый в гражданскую одежду. Он читал нам серьезный курс, изобилующий сложными математическими выкладками и формулами химических реакций. Изложение было четкое, так же как и графический материал... Мы чувствовали, как увлечены наши преподаватели идеей создания ракет, как они преданы Родине, ведь в первую очередь создание ракет – это защита нашей Родины».

Пенемюнде... Это название скоро узнает весь мир. Здесь начинает рождаться принципиально новая техника – ракетная... Причем поражают масштабы – речь идет о создании тысяч боевых ракет. Одновременно идут и экспериментальные работы. Естественно, пока больше неудач, чем удачных пусков. Однако пройдет совсем немного времени, и Вернер фон Браун научит летать свои ракеты!

Безусловно, и ему, и разведке Германии известно, что группа ученых и специалистов в Москве также работает с ракетами. Однако не уверен, что фон Браун знает о двигателях Глушко, о том, что русский конструктор его опередил. Ни разу в своих донесениях фюреру немецкий конструктор не упоминает об аналогичных исследованиях в России и Америке – напротив, он всегда подчеркивает, что они впереди...

Наверное, рано или поздно руководство Третьего рейха узнало бы правду, и тогда трудно было бы Вернеру фон Брауну оправдать свое незнание. Но ему помог Сталин. Удар по новейшему оружию (и вообще по всей военной технике!) был почти смертельный: в ГУЛАГе оказались все, кто имел хоть малейшее отношение к ракетам!

Об истинных масштабах ГУЛАГа мир узнает еще не скоро – Александр Солженицын еще только учится в школе, а именно ему предстоит поведать миру о наших концлагерях. И только потом для всех это слово «ГУЛАГ» станет символом ада, сквозь круги которого предстояло пройти лучшим людям.

В стране царит «ежовщина».

Арестованы руководители РНИИ – Клейменов, Лангемак, Королев...

Пришла очередь и Глушко.

Он фигурирует в «Заявлении от члена ВКП (б) с 1922 г.», направленного в партком НИИ № 3 А. Костиковым.

В частности, там говорится:

«Раскрытие контрреволюционной троцкистской диверсионной вредительской шайки, их методов и тактики настойчиво требует от нас вновь еще глубже присмотреться к нашей работе, к людям, возглавляющим и работающим на том или ином участке Ин-та. Конкретно я не могу указать на людей и привести факты, которые давали бы достаточное количество прямых улик, но, по моему мнению, мы имеем ряд симптомов, которые внушают подозрения и навязчиво внушают мысль, что у нас не все обстоит благополучно... Работы по двигателям на жидком топливе начаты Глушко В. в Ленинграде еще в 1928 году. Причем он начал работать сначала с одним топливом (бензин – жидкий кислород), а затем, кажется, в 1929 году перешел на керосин – азотная кислота. Таким образом, в течение 7-ми лет ведется работа целой группой людей под руководством Глушко над освоением двигателя, и нужно сказать до сих пор этот вопрос не решен. Вокруг работ Глушко в прошлом и даже теперь создана большая шумиха. Этот человек и в ГДЛ, и в Институте расценивается со стороны дирекции очень высоко. Достаточно указать, что Глушко все время получает высокую персональную ставку, и в прошлом даже состоял на Инснабе. Что же мы имеем на самом деле? Где причины, которые тормозят более быстрое развитие и решение вопроса?..»

И далее автор весьма подробно живописует все неудачи Глушко. Более того, он заверяет, что и в следующем своем заявлении он постарается дополнить.

«Следующее заявление» не сохранилось, и сейчас трудно установить, что в нем было.

Ну а судьба самого Костикова сложилась весьма необычно: он возглавил институт, стал Героем Социалистического Труда, в 1943 году был избран членом-корреспондентом АН СССР. Считалось, что именно он – Главный конструктор легендарных «катюш».

В начале 60-х годов, когда появилась возможность писать о «закрытых» ученых и конструкторах, Ярослав Голованов подготовил для «Комсомолки» полосу о Костикове как о конструкторе «катюш». Как и положено, он послал ее на визирование в Министерство обороны – там была специальная служба. Вскоре в редакции раздалось два звонка: первый – от Королева, второй – от Глушко. Оба Главных конструктора настоятельно требовали, чтобы такой

публикации о Костикове не было. А потом они прислали письмо, в котором утверждалось, что именно доносы Костикова и послужили основой для их ареста.

Впрочем, в то время еще было много живых соратников Костикова, которые утверждали иное... В общем, вокруг предполагаемой публикации в «Комсомолке» разразился скандал. Материал опубликован не был.

Время расставило все по своим местам: рассекречивание архивов КГБ приоткрыло истину, хотя, конечно же, не всю...

26 декабря 1937 года в институте состоялось заседание бюро ИТС, на котором обсуждалась работа инженера Глушко. Через полтора месяца – еще одно заседание, через неделю – еще одно. Зачем? Стенограмма заседания сохранилась, и по ней легко можно установить, кому мешал талантливый инженер.

Глушко пытается защищаться...

«Дудаков: Симптоматичен тот факт, что Глушко воздержался от выступления на активе института при обсуждении вопроса о вредительстве в институте. Не сделал он этого и позднее ни устно, ни через печать.

Глушко: Признаю своей ошибкой, что я не заявил вовремя о своем отношении к Лангемаку...

Дудаков: И к Клейменову, и к Клейменову...

Глушко: Должен признаться, что я Лангемаку до самого последнего момента верил, и для меня было полной неожиданностью, что он оказался вредителем...

Кочуев: Странно, что Глушко не обнаружил вредительской деятельности Лангемака, будучи в близком отношении, считаю Глушко политически близоруким... Если Глушко не усмотрел вредителя Лангемака, то он тоже может поддаться под влияние шпионов, и Глушко нужно бояться работать в оборонной промышленности...

Пойда: Глушко сотрудничал в книге Лангемак – Глушко, где он подписался не только за техническую сторону книги, но и за политическую... вынести ему недоверие и исключить его из членов инженерно-технической секции. Глушко следует сделать соответствующие выводы. Если он советский инженер, то те ошибки, на которые ему указывали, он должен признать. Но если он не советский инженер, он этих ошибок не исправит. Кто слышал, чтобы Глушко выступал хоть раз по общественным вопросам, хотя по техническим вопросам он выступает, и выступает неплохо...

Костиков: Правильно ИТС выразил недоверие к Глушко... Для меня непонятно, что Глушко – младенец по политическим вопросам?.. Глушко берет под сомнение в книге родину ракетной техники в СССР, указывает, что родиной ракетной техники является Германия. Но мы, и не только мы, а весь мир признал Циолковского первым ученым по этому вопросу. Я считаю предложение Пойда правильным о выражении недоверия и исключении его из ИТС».

У Костикова много было «соавторов» в доносе, и каждый из тех, кто выступал тогда на заседаниях и собраниях, несет ответственность за происшедшее.

23 марта 1938 года Валентин Петрович Глушко был арестован.

В подвалах Лубянки через два дня он подписывает признание: «Я являюсь участником антисоветской организации в оборонной промышленности, по заданию которой проводил вредительскую подрывную работу. Кроме того, я занимался шпионской работой в пользу Германии».

Он никогда не рассказывал, почему он подписал эту бумагу...

Но через три месяца, уже в «Бутырке», Глушко не признает ничего! Видно, сокамерники ему объяснили, что единственный способ выжить и не попасть под расстрельную статью – это борьба. Он пишет сначала Вышинскому, потом Ежову и, наконец, Сталину. Текст почти одинаков:

«Прошу Вашего распоряжения о пересмотре моего дела, поручив его новому следствию, т. к. форма допроса, которому я подвергся, носила характер морального и физического принуждения, в результате чего мною были даны показания, не отвечающие действительности.

Прошу не замедлить с пересмотром моего дела (№ 18102), обеспечив нормальный метод следствия, т. к. я сижу в тюрьме уже 7 месяцев».

Ответа нет, но заявления подследственного все-таки докладывают начальству.

А Глушко из камеры № 113 пишет новое письмо зам. наркома Берии:

«Будучи оклеветан врагами народа, я был арестован 23.III.38 г. и подвергся со стороны следственного аппарата НКВД моральному и физическому принуждению, в результате насилия я был вынужден подписать протокол допроса, содержание которого является вздором, вымыслом».

Глушко добивается того, что назначается новый следователь...

Почему же все-таки заключенных, которые писали жалобы, не убирали? Казалось бы, в первую очередь следовало уничтожать не тех, кто послушно подписывал протоколы допросов, а непокорных... На самом же деле те, кто был сломлен, довольно быстро отправлялись в лагеря или на расстрел – все зависело «от выполнения плана», а непокорные продолжали писать свои жалобы.

Дело в том, что рано или поздно наступал новый этап в работе НКВД, и тогда уже сами следователи становились подследственными. Чаще всего основой для расправы над ними и служили письма заключенных. Страшная и безжалостная машина репрессий была не только хорошо отлажена, но и продумана: она всех превращала в преступников.

Глушко сражался, но победить он не мог.

15 августа 1939 года Особое совещание при народном комиссаре внутренних дел СССР выносит постановление:

«Глушко Валентина Петровича за участие в контрреволюционной организации заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ВОСЕМЬ лет, считая срок с 23 марта 1938 года.

Дело сдать в архив».

Однако стране нужна была новая техника и такие специалисты, как В.П. Глушко, в первую очередь. А потому появляется на его «Деле» короткая надпись: «Ост. Для раб. в тех. бюро», то есть он направляется в Казань, в «Шарашку». Скоро там окажется и Сергей Павлович Королев, которого Глушко потребует к себе. Да-да, в «Шарашке» у Валентина Петровича будет возможность требовать к себе тех специалистов, которые оказались в ГУЛАГе. Он составит список своих товарищей по ГДЛ и ГИРДу, но, к сожалению, большинство из них уже будут расстреляны, в живых останутся единицы.

Из воспоминаний А.И. Эдельмана:

«Я был назначен в КБ «Шарашки», которым руководил Валентин Петрович Глушко. Это КБ работало над созданием жидкостных ракетных двигателей. Меня представили Валентину Петровичу как нового сотрудника. Я увидел сидевшего на столе аккуратно одетого молодого человека, погруженного в работу. При виде сопровождающего меня начальства он не

изменил позы, и на лице его не отразились никакие эмоции. Даже в тех условиях, в заключении, он производил впечатление человека независимого, уверенного, знающего себе цену. Коллектив КБ Глушко был небольшим. Все конструкторское бюро располагалось в двух или трех комнатах. Сидели все вместе: конструкторы и расчетчики, руководители и чертежники. Почти у всех были чертежные доски, в большинстве своем оборудованные новыми для того времени чертежными приборами – кульманами... Расстояние от КБ до входа на завод составляло метров 200 по улице, вне территории обоих заводов. Да и внутри завода № 16 от проходной до цеха было примерно такое же расстояние. Чтобы зэку из КБ пройти в цех, нужно было дать знак солдату (сопровождающему). Их у нас почему-то называли «свечками». «Свечка», коротавший время в одной из комнат на выходе из КБ, вскакивал, быстро одевался, и только после этого можно было двигаться в путь. «Свечка» шел несколько сзади заключенного и сопровождал его через проходную завода до входа в цех, где стоял вахтер. На этом обязанности «свечки» заканчивались. Дойдя до цеха, «свечка» оставался у входа ждать своего «подопечного». Когда работа в цехе заканчивалась, заключенный шел на выход, охранник вскакивал и шел сзади. Все происходило без слов. Заключенные не имели персональных «свечек» – их сопровождал любой свободный (иначе было в «шараге» Туполева, где каждый зэк имел персональную «свечку»).

Из воспоминаний П.П. Бровкина:

«Мы, вольнонаемные, чувствовали одну важную особенность коллектива ОКБ В.П. Глушко – его необыкновенную сплоченность. В нем поддерживалась, причем не административными методами, а добровольно, деловая атмосфера: работоспособность сотрудников была высокой и ровной. Преданность объединившей их высокой идее, большой цели была беззаветной. Какие это были люди! Цвет нашей технической интеллигенции: Лист, Витка, Артамонов, Мееров, Гаврилов, Назаров, Уманский, Шнякин, Желтухин, Колосов... В 1942 году на нашей площадке появился еще один представитель «спецконтингента» – С.П. Королев. Как заместитель Глушко по летным испытаниям самолетных ускорителей Сергей Павлович «базировался» на аэродроме соседнего самолетостроительного завода. Человеком он был решительным и смелым: однажды в полете у самолета «Пе-2», в хвосте которого у ракетного ускорителя сидел на корточках Королев, отвалился хвост. Его спасло только то, что он парашютом случайно зацепился за какой-то кронштейн в фюзеляже. А другое чудо заключалось в том, что они приземлились без хвостового оперения вопреки всем законам аэродинамики...»

Первый ракетный ускоритель (РУ-1) был установлен на борту самолета «Пе-2». С 22 августа по 18 ноября 1943 года было проведено 40 полетов с включением РУ-1. Прирост скорости составлял 200 км/ч!

Так начал свою работу жидкостный реактивный двигатель, которому вскоре предстояло сыграть главную роль в судьбе ракетной техники.

Заключенного Глушко вызвал к себе Сталин.

Его везли в Москву в отдельном купе две женщины-конвоира. С Казанского вокзала до Кремля почему-то вели пешком.

Час рассказывал Глушко хозяину Кремля о своих ускорителях. Сталин приказал тут же освободить Главного конструктора и попросил написать фамилии тех, кто заслуживал досроч-

ного освобождения. Тут же в приемной Валентин Петрович написал список из 35 человек – всех, кого вспомнил. Большинство из них остались работать с Глушко...

Валентин Петрович Глушко был человеком замкнутым, он редко открывался сторонним людям. Но однажды это случилось, тому я был свидетелем.

В Театре имени Н.В. Гоголя шел мой спектакль «Район посадки неизвестен». Это была одна из первых пьес о космосе и космонавтах, а потому на спектакли часто приезжали те, кто был связан с этой областью. Побывал в театре и Главный конструктор академик В.П. Глушко. Спектакль ему очень понравился, и после окончания его он зашел к актерам. Встреча не ограничилась только словами благодарности – актеры быстро накрыли стол и пригласили почетного гостя. Валентин Петрович не употреблял спиртного, а потому сразу же от чарки отказался, но это не помешало ему беседовать с актерами. Во время разговора он не только со знанием дела обсуждал отдельные мизансцены, но и дал несколько советов исполнителям. Любопытно, что уже на следующем спектакле актеры постарались исполнить его пожелания... А потом он вдруг сказал, что если бы не космонавтика, то, наверное, он занялся бы искусством, возможно, даже стал бы театральным режиссером.

– Впрочем, у нас свой театр, – улыбнулся академик, – и в нем есть свои герои и свои злодеи...

Молодость – это стремление приблизить будущее. Кажется, что чем быстрее это случится, тем будет лучше, а потому всю энергию, талант и неуемность молодые вкладывают в завтрашний день. Тем более если твоя задача определена.

Валентин Глушко в юности напишет пророческие слова:

«Пройдут немногие годы и появится новый Колумб, который, первым прорубив окно во Вселенную, положит начало новой, уже четвертой эпохе в развитии человеческой цивилизации, – эпохе межпланетной».

До старта первого человека в космос оставался 21 год 2 месяца и 13 дней.

Лето 1946-го...

В мае 1946 года вышло постановление Совета Министров СССР № 1017-419сс. Его подписал И.В. Сталин. Гриф, как обычно для подобных документов того времени: «Совершенно секретно. Особая папка». Это означало, что лишь очень небольшой круг людей имел право знать о существовании этого постановления, но выполнять его обязаны были все. Название документа краткое: «Вопросы реактивного вооружения». В стране создавался Специальный Комитет по Реактивной Технике (так и писалось все с заглавных букв, тем самым подчеркивалось особое значение нового ведомства).

С вершин нынешнего дня в этом постановлении очень много «странного», необычного. К примеру, Министерству сельскохозяйственного машиностроения поручалось разработать и создать «реактивные снаряды с пороховыми двигателями». Отдельным пунктом значилось: «определить как первоочередную задачу – воспроизведение с применением отечественных материалов ракет типа Фау-2 (дальнобойной управляемой ракеты) и «Вассерфаль» (зенитной управляемой ракеты).

Постановление предусматривало привлечение специалистов из Германии к работам по реактивной технике. В частности, пункт 18 звучал так: «Разрешить Специальному Комитету по Реактивной Технике устанавливать немецким специалистам, привлекаемым к работам по реактивной технике, повышенную зарплату».

О масштабах работ свидетельствует «материальное обеспечение» тех, кто привлекался к работам. В постановлении указывалось: «... выделить для обеспечения всех советских и немецких специалистов, занятых на работах по реактивному вооружению в Германии: бесплатных пайков по норме № 1 – 1000 шт., по норме № 2 с дополнительным пайком – 5000 шт.».

Но главное, что было в этом постановлении, – это создание ряда научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро. В августе 1946 года одно из них возглавил инженер Сергей Павлович Королев.

Юре пришлось пропустить два «школьных» года. Как и всем клушинским мальчишкам. 1 сентября 1941 года они пошли в первый класс, но и до смоленской земли докатилась война.

В январе немцы выгнали Гагариных из дома. Пришлось рыть землянку, в ней и прожили до 9 марта 43-го, когда пришло освобождение.

«Подражая старшим, мы, мальчишки, потихоньку как могли вредили немцам, – вспоминал Юрий Гагарин. – Разбрасывали по дороге острые гвозди и битые бутылки, прокалывавшие шины немецких машин... Вскоре загремело и на нашем фронте. Началось наступление советских войск. Радости не было конца. Тут-то эсэсовцы и забрали наших Валентина и Зою и в колонне, вместе с другими девушками и парнями, погнали в Германию. Мать вместе с другими женщинами долго бежала за колонной, а их все отгоняли винтовочными прикладами и натравляли на них псов. Большое горе свалилось на нас. Да и не только мы – все село умывалось слезами. Ведь в каждой семье фашисты кого-нибудь погнали в неволю... Немцы покинули наше село. Отец вышел навстречу нашим и показал, где немцы заминировали дорогу. Всю ночь он тайком наблюдал за работой немецких саперов. Наш полковник, в высокой смушковой папахе и зеленых погонах на шинели, при всем народе объявил отцу благодарность и расцеловал его как солдата. Отец ушел в армию, и остались мы втроем: мама, я и Бориска. Всем колхозом управляли теперь женщины и подростки. После двухлетнего перерыва я снова отправился в школу».

Война заканчивалась. Пришла весть от старшего брата и сестры. Им удалось сбежать от фашистов, и они остались служить в армии.

Встретились уже после Победы. Семья Гагариных перебралась в Гжатск.

Сколько в его жизни было пусков? Десятки, сотни? Нет, их не подсчитаешь, потому что к стартам межконтинентальных нужно добавить и те ракеты, которые все называли «реактивными снарядами», – он упорно считал «катюши» прародительницами нынешних ракетных гигантов. Впрочем, он имел право по-своему глядеть на историю реактивного и ракетного оружия, потому что судьба распорядилась так, что Василий Иванович Вознюк стоял у истоков рождения и того и другого.

В грохоте двигателей боевой техники, уходящей со старта, ему слышались залпы «катюш» под Полтавой и в Австрийских Альпах, и избавиться от этого чувства Василий Иванович так и не смог, хотя война закончилась давно.

И еще – когда под ракетой образовывался вал огня и дыма, растекавшегося по земле, ему чудилось море, шторм, и он, опытный капитан, стоит на палубе корабля и вглядывается в безбрежные просторы. К удивлению окружающих, Вознюк улыбался, а почему, они понять не могли, так как трудно представить, чтобы седой человек так часто думал об океане, в котором он так ни разу и не плавал.

После ухода в отставку Вознюк еще долго жил в городке части, не находя в себе сил сразу оборвать ту нить, что связывала его с армией. Да и не мог он вырвать себя из забот, заполнявших жизнь до краев вот уже более четверти века. А потом наконец решился: надо уезжать – армия есть армия, и какой пример покажет он остальным, если останется жить в части? И выбрал он Волгоград, город, дорогой его сердцу по войне.

Вскоре пришло письмо. Ребята из школы сообщали, что они начали поиск героев Сталинградской битвы, и просили его рассказать о себе, о подвиге его товарищей. Василий Иванович, взволнованный и тронутый их вниманием, сел за ответ. Впервые ему удалось взглянуть на прожитое как бы со стороны, и письмо получилось длинное, обстоятельное.

«Здравствуйте, дорогие ребята!

Отвечаю на ваши вопросы.

С 12 лет я начал работать. Естественно, специальности у меня не было, приходилось часто переходить с места на место. В 1923 году удалось поступить в Мариуполе на пароход каботажного плавания, где я проработал несколько месяцев, как говорится, «понюхал море». В 1925 году осуществилось мое желание – по путевке ЦК комсомола Украины я был направлен на учебу в Ленинград, в военно-морское училище...

Но, к сожалению, мне в училище поступить не удалось. Требовалось среднее образование, а я доучился только до половины 4-го класса. Я сразу же подал рапорт о зачислении добровольцем на флот рядовым матросом. Сначала вопрос решился положительно, но вскоре нам сказали, что служить не будем, так как еще мало лет – 17. И я стал курсантом Ленинградской артиллерийской школы имени Красного Октября, которую окончил третьим по списку (то есть по успеваемости)».

Их было шестеро – молодых командиров. В приемной, ожидая вызова, они негромко переговаривались, пытаясь выяснить, почему именно на них пал выбор наркома. Правда, на минувших учениях их полки действовали безупречно – может быть, нарком хотел лично поблагодарить?

– Разговор будет коротким... – Нарком торопился. – Все вы назначаетесь преподавателями училищ. Это приказ, и он обсуждению не подлежит.

Нарком заметил, как молодые офицеры поникли (кому же хочется из строевой части на такую службу!), и добавил мягко, по-отцовски:

– Пройдет время, и вы убедитесь, насколько я прав. В армию приходит новая техника, будущей войне штыка и сабли уже недостаточно...

Сколько раз вспоминал этот разговор Василий Иванович летом 41-го! Тогда, на Западном фронте, противотанковая бригада, где он был начальником штаба, принимала на себя удары фашистских танков.

В Западный округ он попал в самый канун войны. И хотя бригада еще не была полностью укомплектована ни техникой, ни людьми, она сумела отбиваться от наступавших гитлеровцев.

Те драматические месяцы 41-го хорошо известны. У тех немногих, кто выстоял под Бобруйском и Могилевом, Минском и Смоленском, воспоминания о войне всегда начинаются с декабрьских событий под Москвой. Солдаты не любят возвращаться к июлю и августу 41-го, потому что память всегда старается перечеркнуть худшее, забыть его. Солдат, как и полководец, гордится умением побеждать. А оно пришло к нему сквозь горечь неудач лета 1941 года. Битва под Москвой, Сталинград, Курская дуга, Днепр были позже... Несколько раз я пытался расспрашивать Василия Ивановича о боях на Западном фронте, но он традиционно говорил: «Было так трудно, что невозможно сегодня даже вспомнить... – А потом добавлял: – Мы быстро научились воевать...»

За 1941 год В.И. Вознюк получил три ордена боевого Красного Знамени. Немногие из офицеров, сражавшихся в те дни, отмечены орденами – в первый год войны их давали редко.

В сентябре 41-го майора В.И. Вознюка вызвали в Москву. На следующий день после приезда его пригласили в ЦК партии. Беседа с секретарем продолжалась долго. Разговор шел о новом оружии, которое вскоре поступит в армию.

– Начинаем создавать специальные части, – сказал секретарь, – им сразу же присваивают звание гвардейских. Это почетно, но и не менее ответственно. Всегда и везде вы должны помнить: ни одна из установок не должна попасть в руки врага. Мы комплектуем личный состав частей из коммунистов и комсомольцев, готовых в любую минуту отдать свою жизнь за Родину. Подчеркиваю: в любую минуту.

В.И. Вознюк был назначен начальником штаба группы гвардейских минометов частей Ставки Верховного главнокомандования.

«Реактивный университет» был закончен за несколько дней. Уже 14 сентября «катюши», тщательно замаскированные, вышли из Москвы на юг. Накануне командира и Вознюка принял И.В. Сталин. Разговор продолжался три минуты.

– Вы подчиняетесь Ставке, – сказал он, – и для врага и для всех – это оружие совершенно секретное.

«Я познакомился в Москве с донесениями о действиях «катюш», которые были впервые применены 15 июля 1941 года под Оршей, – писал В.И. Вознюк. – В августе верховное командование вермахта предупредило свои войска: «Русские имеют автоматическую многоствольную огнеметную пушку. Выстрел производится электричеством. Во время выстрела у нее образуется дым. При захвате таких пушек немедленно сообщать». Немцы начали охоту за «катюшами», и поэтому и секретарь ЦК, а затем и Сталин так строго предупреждали нас о секретности нового оружия. Честно говоря, мне казалось, что эти минометы не так уж необычны. Впрочем, ведь я, начальник штаба группы, еще ни разу не видел их в деле».

Командир кавалерийской дивизии усмехнулся:

– Наши кони привычные, не такое видывали, так что давайте свой залп. В атаку пойдем сразу же после артподготовки.

Штаб в селе Диканька. Разведка донесла, что в ложине сосредоточиваются два батальона немцев.

– По местам! Выводи машины!

– Залп!

Огненный вал взметнулся над землей, поднялся в небо и обрушился за пригорком. Пыль скрыла машины, уши заложило, и майору показалось, что он оглох.

Вдруг стало непривычно тихо.

– Перезаряжай! – раздалась команда.

– Почему не атакуете? Может быть, повторить? – Вознюк связался со штабом.

– Казаки коней ловят. – Вознюк услышал голос комдива.

«Залп «катюш» в сентябре 1941 года в гоголевских местах я запомнил на всю жизнь, – вспоминал Вознюк. – Наши части перешли в наступление, 12 километров они не встречали сопротивления врага – он бежал. С этого дня моя жизнь навсегда связана с реактивным оружием. Гвардейцы-минометчики наводили ужас на врага, громили пехоту и танки, совершали глубокие рейды в тыл врага. В своей книге «Уходили в бой «катюши» я рассказал о многих боях, в которых принимало участие наше соединение, о героизме своих однополчан. Я долго писал эту книгу, трудно – ведь я не литератор. Но это был долг перед однополчанами, которые не дожили до Победы. Сейчас в армии служат сыны и внуки тех, кто отстоял честь и независимость нашей Родины. Народ вручил им оружие, которого не знали их деды и отцы. Но смелость и мужество постоянны. Они необходимы солдату всегда, в любое время».

В сентябре 41-го Василий Иванович Вознюк начал свой первый бой под Полтавой майором, осенью 42-го ему присваивается звание «генерал-майор». Столь стремительный даже для военного времени рост – признание его незаурядных способностей. Войну он закончил генерал-лейтенантом, заместителем командующего артиллерией Митрофана Ивановича Неделина по гвардейским минометным частям 3-го Украинского фронта.

Генерал-лейтенанту Вознюку, который так отличился на фронтах Великой Отечественной, грезились спокойные послевоенные годы – разве может быть так же трудно, как в бою? Новое назначение его огорчило. «Начальник испытательного полигона» – это ассоциировалось с артиллерийским стрельбищем, а среди строевых офицеров такая должность была не очень популярна. Мог ли Василий Иванович предполагать, что ему предстояло в ближайшее время заниматься очень интересной работой? В 1946 году он оказался в точно таком же положении, как пять лет назад, когда со своими «катюшами» отправился из Москвы под Полтаву.

И вновь Василий Иванович сел за книги.

– Он работал по 16–18 часов в сутки, – вспоминает один из его соратников. – Таков уж характер у Вознюка: он должен знать все до мельчайших подробностей и поэтому сразу же после назначения стал вникать в мельчайшие технические детали. Не раз он удивлял конструкторов ракет своими знаниями в их области.

«Доверие к командиру – основное условие, на мой взгляд, в армейской службе, – писал Василий Иванович. – Когда солдаты идут в бой, они должны быть уверены, что их командир примет самое верное решение, окажется мудрее, хитрее, талантливее. И тогда победа обеспечена. Новая техника, с которой нам предстояло иметь дело, только создавалась – слишком много было трудностей, некоторые казались даже непреодолимыми».

Штаб, мастерские, столовые, жилье – в палатках. Утром, чтобы умыться, надо разбить лед в ведре – вода замерзла. А весной начались песчаные бури. Песок был везде: в сапогах, в хлебе, в спальных мешках.

– Здесь можно жить месяц-два, а больше не выдержать, – услышал однажды Вознюк от офицера, получившего назначение в часть.

– Вы воевали? – спросил генерал.

– Не успел.

– Там было труднее, запомните это. И еще: многие из тех, кто не вернулся с войны, были бы счастливы служить здесь. Вы меня поняли?

...Тридцать лет спустя полковник в отставке, вспоминая о своем первом годе службы, рассказал:

– Вознюку было, пожалуй, еще тяжелее, чем нам. Я имею в виду не бытовые условия – они у всех были одинаковые. На нем лежала огромная ответственность за порученное дело. И он не жалел себя. Был требователен ко всем, а к себе вдвойне. Честно говоря, не думал я тогда, что на месте занесенных песком палаток поднимутся каменные дома, вырастут парки и сады. А Вознюк, по-моему, уже с первого дня предвидел, что именно так и будет.

Нет, в тот далекий 1947 год генерал мечтал о другом. В штабе его можно было застать лишь ближе к полуночи. Рано утром он шагал вдоль узкоколейки, спешил в «монтажный корпус» (огромную палатку, где работали конструкторы и инженеры), туда, где строили испытательный стенд для двигателей (его металлические конструкции вырастали над оврагом) и стартовую позицию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.